

Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия, Slavistische Beiträge, 317, Sagner, Munich, 1994.

Dunn J.A. 'How to speak new Russian', Rusistika, 20, September 1999, pp. 19-24.

Dunn J.A. 'The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type', in J.A. Dunn (ed.), Language and Society in post-Communist Europe, Selected papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995, Macmillan, Basingstoke, 1999, pp. 3-22.

John A. Dunn, 'The Role of English in Modern Russian', in Lew N. Zybatow (ed.), Sprachwandel in der Slavia, I, Peter Lang, Frankfurt-am-Main etc., 2000, pp. 87-101.

Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга, Метатекст, М., 1997.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи, изд. 3-е, Златоуст, СПб, 1999.

Лопатин В.В. (ред.), Русский орфографический словарь, изд. 2-е, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, РАН, М., 2005.

Larissa Ryazanova-Clarke and Wade (1999) Terence Wade, The Russian Language Today, Routledge, London – New York, 1999.

Савельева Л.В. Языковая экология, КГПУ, Петрозаводск, 1997.

Склярская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX в., Фолио-Пресс, СПб., 1998.

Засурский И. Реконструкция России: масс-медиа и политика в 90-е, М., 2001.

© Данн Дж. А., 2006

© Сорокина М.В. (перевод), 2006

Клочко Н. Н.

Женева, Швейцария

ЭТНОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ СЛАВЯНСКОМ КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ

We are such stuff as dreams are made on...

Shakespeare

Мы сделаны из той же материи, что и наши сны...

Шекспир

Abstract

Ethnocentric mythologemes in the contemporary Slavonic collective consciousness are of not only constructive but also of instrumental significance. Nowadays Slavic states seek cultural and political recognition in the world. The Illocutionary potential of the ethnocentric myths is directed to the increase of political status of those states and substantiation of the right to get an access to financial and economic resources of Europe. However the state, in which out-of-date ethnocentric myths support the idea of might, becomes extremely vulnerable.

Зависимость от своей собственной истории для каждого народа по своему драматична. Славянская история в каждый из периодов «тектонических сдвигов» (от принятия христианства до событий 1989-1991 гг.) формировала свои характеристики региона. При этом отнюдь не все исторические моменты оказались в равной степени запечатлены в славянском коллективном сознании, поскольку «каждая историко-культурная эпоха по-разному свидетельствует современную ей историю, различными путями возвращается к прошлому, по-разному его

сегментируя и селекционируя его отрезки» [Софронова 1990: 44-53]. Иногда селекция исторических событий определяется этнокультурной политикой, допускающей мистификации прошлого, его особую интерпретацию. Тогда формируются мифы.

В славянских культурах мифологический пласт (особенно пласт политической мифологии) чрезвычайно активен и сегодня. В современных славянских логосферах эксплицитно или – чаще – имплицитно актуализируются мифологизированные схемы истории, картины субъектов и объектов власти. Последние десятилетия со всей очевидностью демонстрируют мифологизированность славянского коллективного сознания, его деструктивную роль в межэтнических конфликтах и – как результат – в определении направлений политического развития региона. (Славянский вопрос, традиционный в европейской политике, в последнее десятилетие стал едва ли не основным. Президент Польской республики А. Квасьневский сформулировал проблему политической ориентации Славии как проблему войны и мира, отметив, что в ближайшие десятилетия именно славянский фактор «придаст динамику нашей старой Европе, усилит её самосознание и поможет покончить с историческими спорами» [Выступление Президента 1998: 14]).

Сегодня культурно-политическое состояние не только Славии, но и Европы в целом, во многом определяется активностью этноцентрических мифов, самых устойчивых в культурной памяти народа, в наибольшей степени влияющих на коллективное сознание этноса. Политический и нравственный экстремизм славянской этноцентрической мифологии отражает весьма специфическую культурную перспективу Славии. Мифы, о которых идет речь, показывают, что «отжившая идеология» не только не проявляет признаки утраты продуктивности, но, напротив, продолжает развиваться, захватывая всё новые и новые области коллективного сознания. Это даёт основание думать, что неуклонная апелляция современного славянского сознания к этноцентрическим мифам отвечает особой ориентации славянского семантического универсума и, в конечном счёте, славянской культуры. Представляется, что сопоставление славянских этногенетических версий позволит приблизиться к пониманию того, «где мы сегодня находимся и как мы сюда попали» [Шлезингер 1992: 11].

Не ставя перед собой глобальной задачи рассмотреть всю совокупность этноцентрических мифов, остановимся на тех из них, прагматические характеристики которых сопоставимы и выводят к пониманию причин сегодняшних проявлений националистических настроений в славянском языковом регионе. (Остановливаясь на этноцентрических (этнонационалистических) версиях славянской истории, мы сознательно отсекаем безусловно заслуживающие внимания вновь возникшие мифы, напр., о Чехии как «оазисе реформ» [см подр: Коровицына 2000: 16-26]; о «словенском чуде», «хорватском прорыве» и под. Очевидно, что новые условия формируют новые мифологемы. Возможно, новые мифы

со временем проявят свою готовность репродуцировать те же или сходные представления националистического характера, что и реликтовые, поскольку архетипы, сохраняя своё традиционное содержание, способны принимать современную форму).

Славянская, как и вообще надэтническая, националистическая парадигма выстраивается во времени и диктует видение реальности через призму этнического бытия с завышением оценки собственной общности и занижением оценки действий другой – «чужой» – общности. Две основные идеи, с которыми связано существование этноцентрического мифа, – идея творения и идея развития – в равной степени актуализируют действие этноцентрического механизма и обеспечивают преэминентность этнических представлений о мире, о месте этноса в общем контексте развития цивилизации.

Идея «**творения**» в славянских этноцентрических мифах реализуется в рамках импрессионистической, феноменологической картины мира.

Речь идёт не о моменте творения как таковом, а о провидении, внезапном импульсе, результатом которого является **новая** история этноса, осознание им своего великого пути. Каждый сюжет возникновения славянских народов обогащается одними и теми же деликатными и высокоэмоциональными мотивами божьего благословения земли (ср., напр., семантику топонимов Bohemia, Pannonia), народа, родившегося или пришедшего на эту землю, и его предводителей. (Этимологические толкования названий стран и народов в средневековой историографии выводились часто из внешнего созвучия (напр., Германия < *gerzmo (яро). В хронике Далимила страна Чеха (одного из трёх праотцов и предводителей славян) названа Богемией, «божьей страной» [См. Nejstarší... 1958]. В рассуждениях хрониста Богухвала (XIII в.) Паннония описывается как колыбель всех славян: Scribitur enim in vetustissimis codicidum quod Pannonia sit mater et origo omnium slavonicarum nationum. При этом само название страны объясняется как «страна Пана», отца Леха, Чеха и Меха (или Руса) [См. Богухвал... 1961]. Архетип богоизбранности этноса представлен в этноцентрических версиях всех народов [См.: Тацит Корнелий 1970; Саксон Грамматик 1971]. Библейско-византийская теория о происхождении рода человеческого от трёх сыновей Ноя лежит в основе «Повести временных лет». Согласно хронике Мержвы XIII в. (Miersuae Chronicon). Славяне приводятся в родственную связь с праотцом Вандалом [Подр. об источниках некритического сумбура о происхождении славян: Ягич 1910: 3-23]).

Если идея божественного происхождения народов признана универсальной и всеобщей, то для славянского мира она является ещё и предкультурной, предопределившей известные элементы национальной психики, духовные ориентиры славян. В качестве примера приведём фрагмент из древней чешской хроники Пулькавы: «Я (князь Пршемысл – Н.К.) ... приказываю сохранять их (лапти и суму – символы чешской королевской власти – Н.К.) вечно для того, чтобы наши потомки знали, откуда они ведут свой род, чтобы они всегда жили в страхе и настороженности и чтобы люди, посланных им Богом, они не угнетали, не обращались с ними неспра-

ведливо по причине надменности, ибо все мы равны по природе» [Цит. по: Гудзь-Марков 1997: 87; см. также: Šonej 1995: 25]. Свидетельство Пулькавы даёт схематичное представление о том, на каких основаниях формировалась чешская культурная парадигма. Намеченные в древности и закреплённые в веках духовные приоритеты сформировали особые структуры чешского коллективного сознания: психотип «срединности», которому свойственны осторожность, толерантность, компромиссность и терпение, осознание себя нацией гуманистов, богоизбранным народом [Подр.: Коровицына 2000: 16-26]. Современная чешская политическая логосфера подтверждает феноменологию чешского коллективного сознания. Сравним:

*V takové řeži mezi Východem a Západem českům nezbude nic jiného než se permanentně otužovat (Večerní Praha, 04.03.98) – В такой резне между Востоком и Западом чехам не остаётся ничего другого как постоянно закаляться. *Otázka «s kým» je podstatně důležitější než «proti komu» (Dnes, 19.08.98) – Вопрос «с кем» сейчас важнее, чем «против кого». *Češi prostřednictvím všech svých mýtů o sobě vnímají jako Bohem vyvolený národ (Dnes, 16.03.97) – Чехи при посредничестве мифов воспринимают себя как Богом избранный народ.

Приведённые примеры иллюстрируют связь прошлого и настоящего. Очевидно, что каждый тип культуры вырабатывает свои модели «биографии государств», создаёт в своей идеальной модели тип государственной истории, государственных деятелей, намечает свою систему культурных кодов, духовные ориентиры нации и сохраняет их во времени.

Временная преемственность приоритетов, мотива «особенности», богоизбранности этноса сформировала мощнейшие направления новых мифологических версий, связанных с общей идеей **«развития»**.

Вся история существования славянских народов сопряжена с идеей глобального страдания. Перефразируя метафорическую формулу Лейбница, страдание как неотъемлемую черту богоизбранности и одновременно историческую славянскую очевидность можно обозначить как «алфавит славянской души». В славянском страдании присутствует прежде всего моральное измерение. Импликации страдания представлены нравственным абсолютом: за свободу надо бороться ценой **любых личных жертв**. Наиболее показателен в этом отношении исторический путь Польши. Приведём слова популярной польской песни, отражающие суть «польского страдания»: Wo wolność sie krzyżami mierzy – Ведь wolność измеряется количеством крестов (т.е. крестов на могилах павших в борьбе за неё). В период после разделов Польши 1773-1795 гг. «поляки начали бесконечную борьбу за выживание против восточноевропейских империй, идеологий и тираний, с дивной настойчивостью ведя национальный крестовый поход.... Во время Второй мировой войны она пала жертвой нацистской и советской агрессии и была обречена

стать европейской Голгофой» [Цит. по: Вежбицкая 1999: 468].

Страдание – всеславянская категория, не знающая ни территориальных, ни временных границ. В разные периоды истории эпитеты «скорбящая», «плачущая», «многострадальная» страна применимы к любой из стран Славии. В терминах когнитивной антропологии страдание можно назвать семантическим атрибутом славянского коллективного сознания.

Мотив санкционированного свыше страдания поддерживался и поддерживается до сих пор в современном коллективном сознании этноцентрическими версиями о спасении Европы от татаро-монгольского и турецкого ига. Достаточно схематично обозначить славянские мифологемы, чтобы увидеть их сопоставимость.

В русском историческом сознании активно бытует миф о том, что Русь остановила натиск диких монголов и спасла Западную Европу от разрушения и разграбления, за что Западная Европа должна быть ей благодарна. «Это, – замечает В. А. Шнирельман, – как бы даже возвышает Россию над Европой, делает её «старшим братом» [Шнирельман 1995: 3-13]. Заметим, что в равной степени мотив спасения Европы от татар свойственен и современному украинскому коллективному сознанию. При этом украинские националисты подчеркивают, что «русские узурпировали древнерусское и – шире – славянское наследие» [Шнирельман 1995: 12]. Украинская этноцентрическая версия утверждает, что именно им (т.е. украинцам) Европа должна быть благодарна за постоянную защиту от опустошительных набегов кочевников. Но в битве при Легнице в 1241 г. польские и немецкие рыцари (крестоносцы) вместе преградили путь тьмам хана Батыея. Это означает, что право на существование имеет и польская этноцентрическая версия о защите Европы. Сходная ситуация конкуренции в праве называться единственными защитниками Европы от Османского ига наблюдается в сербских, хорватских и словацких мифологемах. Известно, что и Венгрия больше века сдерживала попытки турецкой экспансии на север долины Дуная, в Центральную Европу.

Не будем касаться болезненной точки современного славянского (и прежде всего русского) сознания об освободительной миссии Советской Армии. Отметим лишь временную подвижность, способность к трансформации мифологем, активных уже в новейшей истории. В этой связи скажем, что существование фундаменталистской опасности сегодня и тот факт, что перед лицом мнимого (?) зла Запад отводит славянским странам, в первую очередь России, роль заградительного отряда, может в очень скором времени стать источником всевозможных этноцентрических версий современного политического мифа «о едином исламском фундаментализме как дикой мракобесной силе, угро-

жающей цивилизованному человечеству, особенно «богатому Северу» [Дугин 1999: 814].

Универсальная, как было выше показано, для славянских этносов идея мессианства на уровне политической истории не раз подвергалась различного рода трансформациям, как бы подчиняясь закону регулирующей функции противоположностей. (Древнегреческий философ Гераклит открыл психологический закон регулирующий функции противоположностей, охарактеризовав явление смены полюсов, в том числе и аксиологических, как «встречный бег» (Enantiodromia). Славянская политическая мифология, как и вообще славянская история, подчиняется закону перехода данности в свою противоположность. Пики напряженности славянских взаимоотношений наиболее показательны в этом отношении [см.: Новопашин 1998: 3-10]. Факт принятия Россией роли духовной наследницы Византии сформировал категорический императив «Москва – Третий Рим», принявший в русской истории архетипический характер. Тема христианства стала развиваться в сторону усвоения государственной властью священной миссии. Включив де-факто православную религию в структуру государственной идеологии, русское мессианство приобретает не столько религиозную, сколько политическую мотивированность. Долговременные следствия этого не потеряли своей силы до сегодняшнего дня. (Ср., напр.: «Русь, принявшая на себя географическую и политическую миссию Чингисхана, была призвана и **остаётся призванной** (выделено мной – Н.К.) объединить под своим контролем континентальные земли и культуры Востока и Запада») [Дугин 1999: 614]. Идея военной мощи, величия, исторической миссии России, внедренные в русское коллективное сознание и сконцентрированные в мифологеме «Москва – Третий Рим», парадоксальны в своей векторной противоположности. С одной стороны, концепция «Третьего Рима» воплощает высшее чаяние национальной воли, с другой – легитимизирует территориальные и политические претензии России, вбирая в себя идею мегаломании. Отметим справедливость замечания Шнирельмана: «Чем более блестящим представляется народу его прошлое, тем с большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире» [Шнирельман 1995: 5].

Идея мегаломании оказалась заразительной для многих славянских государств. На Балканах *Megale idea* носила отчётливо религиозный характер. Главенствующая роль в православном мире Балкан от Греции перешла к Сербии. Идея Великой Сербии (мифологема «Великого начертания»), основанная на историческом прецеденте огромного балканского государства, созданного в XIV в. династией Неманичей, не единожды возрождалась. В XX веке она сопровождала создание Югославии (Идее Великой Сербии противостояла идея Великой Хорватии. О важнейших сферах столкновения национальных интересов сербов и хорватов: Городнянский 1997: 63-75; Šidak 1981), объединившего под сербским началом многие, в том

числе неславянские и неправославные народы. Этническая и конфессиональная доминация сербов и религиозный примат Православия периодически приводили к межэтническим конфликтам. События последних лет подтвердили неустойчивость этой геополитической конструкции и продемонстрировали живучесть в сербском коллективном сознании мифологемы «начертания», идеи Великой Сербии.

Актуализацию Великой идеи представлял собой и националистический проект «Болгария трёх морей», предполагавший присоединение к Болгарии Македонии, Фракии и Константинополя. Воспоминания о величии Болгарского царства, его культурной и политической значимости в раннем средневековье не только для славянского мира, но в целом для Европы, дали почву для прорастания в современном коллективном сознании мифологемы о «Сан-Стефанской Болгарии» [см.: Зудинов 1999: 44-58].

Периодически возрождающиеся лозунги «Великой Польши», «Польши от Одры и Нисы, со Щецином и Вроцлавом» демонстрируют витальность идеи мегаломании, реликтовые формы польского имперского сознания. Некритическое их тиражирование, – отмечает Я. Липский, – «процесс опасный, сопряжённый с проблемами не только политической оценки, но прежде всего с проблемами нравственными, культурными» [Липский 1993: 217-240].

«Культурная» мегаломания («Культурная» славянская мегаломания коррелирует с всеславянским культурно-просветительским мессианизмом. Ср., напр., Я. Коллар о славянах как избранном народе, призванном к обновлению европейской цивилизации: *O literní vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečnými slovanského národu* od Jana Kollara. Praha. 1853. s. 43-44), дифференцирующая национальные культуры на «высшие» и «низшие», – тема столь же тонкая и опасная, что и претенциозность политическая, она тоже может быть источником этнических конфликтов и взаимной неприязни (см., напр., миф о превосходстве польского шляхетского просвещения над русским, амбициозные идеи культурного превосходства чехов над словаками и противостоящий этому словацкий позитивный автостереотип о чести открытия миру славянской идеи; споры о культурном, а значит, о политическом, «старшинстве» между сербами и хорватами).

Обобщенная славянская *Megale idea*, актуализированная в коллективном сознании, – это проявление болезни славянского духа, формула самопотворства узко национальной гордости и, в общем, вчерашний день Европы. Политический и культурный климат новой Европы приглушает национализм, устраняет соблазн, одолевающий малые и слабые народности играть в большую политику, что зачастую не отвечает их интересам, но служит «средством успокоения раздраженного национального чувства» [Каргаманов 1993: 211].

Экспансия национальной идеи, поддерживаемая националистиче-

ским мифом, в истории межславянских отношений с периода позднего средневековья осмысливалась в контексте драматического противостояния двух (и более) государств, народов. К началу третьего тысячелетия линии основных политических и культурных антагонизмов Европы размещаются в основном на карте Славии, демонстрируя непрочность мифологемы о славянском единстве. Славянские исторические, политические конфликты, временные сближения на почве высоких идей славянской взаимности (вспомним призыв Й. Домбровского «За нашу и вашу свободу», лозунги движения иллиризма) представляют собой отдельную тему для историко-культурных и этнофилософских исследований. Важно здесь то, что каждая из противоборствующих сторон определяла претензии по максимальной мерке, углубляясь при этом в дебри «исторического права», ссылаясь на то, что некогда земли, на которые предъявлялись права, входили в сферу расселения «своего» народа или даже в его государственное образование (В Хронике Святокрижской (Rocznik świętokrzyski, Mon. Polon. hist. III. 1993), напр., приводится исторический факт о том, что польский король Сигизмунд (1517) обосновал право поляков предпринять поход на Москву на том основании, что «те» места (Московия) – общая славянская прародина), интерпретируя имевшиеся источники к выгоде для себя. Стремление к экспансии и гегемонии было присуще обеим конфликтующим сторонам, разумеется, в соответствии с их возможностями. В XX веке количество скопившегося горячего материала взаимных славянских обид и претензий (чешско – и польско-русских, украинско и белорусско-польских, словацко-чешских, македоно-сербских, сербско-болгарских и т.д.) стало критическим. Ксенофобия и национальная мегаломания питают и поддерживают друг друга. Готовность к рецидивам агрессии со стороны соседей, прежде всего со стороны России, определяет сегодня атмосферу межнациональных и межгосударственных отношений в славянском регионе Европы. Миф об агрессивных намерениях России коснулся даже сербских коллективных настроений, традиционно пророссийских. Политическое бездействие, выжидательная позиция Москвы в ходе последних военных событий в Югославии сербским обществом было расценено как потворство России американской агрессии. Акцентированный войной лозунг «помощи единоверным братьям» был возвращён в лоно мифологии.

Спор славян между собой, // «Домашний старый спор» (Мифический характер романтической мечты о единстве славян нашёл отражение в пушкинских стихах (1831) «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина») – вопрос, ставший общеевропейским, а следовательно, требующий быстрейшего разрешения. В ответ на множество действительных фактов агрессии, а также мифов и ложных представлений о взаимной вине славян, должно наконец прозвучать: «Прощаем и о прощении просим» (Слова из послания польских епископов в связи с приближавшимся 1000-летием крещения Польши к своим

немецким братьям во Христе. В послании говорится об исторической памяти поляков и необходимости прощения взаимных обид. Оно заканчивается словами: «Но несмотря на всё это... протягиваем Вам наши руки, прощаем и о прощении просим»). Зло, причиненное одними, не может быть оправданием ответного зла – таков закон христианской этики и западноевропейской цивилизации. Задача гуманизации славянского коллективного сознания заключается не в том, чтобы отказаться от наследства предков, что в принципе невозможно, а в том, чтобы, имея его, уметь совмещать в себе данные природой противоположности, находя верный выход сознательным и бессознательным потокам энергии.

Концептуальный взгляд на славянскую политическую мифологию позволяет заключить, что бытующие в современном славянском сознании этноцентрические мифологемы имеют не только конструктивное, но прежде всего инструментальное значение. Славянские государства сегодня борются за культурное и политическое признание их в новом мире, за верхние ступеньки европейской «лестницы приоритетов». Лозунговый характер, а следовательно, иллюкативный потенциал этноцентрических мифов направлен на повышение политического статуса своего государства, на обоснование права доступа к экономическим и финансовым ресурсам Европы. Есть в этом только одно «но». Государство, которое измеряет свою силу в устаревших понятиях и продолжает верить в своё могущество, апеллируя к мифологизированному сознанию народа, становится крайне уязвимым. И очень может быть, что для новых поколений насыщенность коллективного сознания мифологемами об особом пути нации, особой исторической миссии народа – все эти «тайны» славянской души – будут представляться «загадочной смутной непонятных отцов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Čornej P. Panovníci Českých zemí. Praha, 1995
Nejstarší česká rymovaná Kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1958
Šidak J. Povijest Hrvatskog naroda. Zagreb, 1981
Богухвал еп. Познанский. Великопольская хроника. М., 1961
Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Ключевые концепты культуры. Сценарии поведения. М., 1999
Выступление Президента Польской республики Александра Квасьневского. // XII Межд. конгресс славистов. Информационный бюллетень. № 2. Краков. 1998. С. 14
Городнянский А.В. Историческая ретроспектива сербско-хорватского конфликта. // Славяноведение. 1997. № 3.
Гудзь-Марков А.В. История славян. М., 1997
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1999.
Зудинов Ю.Ф. Болгария: трудный путь в «большую Европу». // Славяноведение. 1999. № 3.
Каргаманов Ю. Европа и мы. // ИЛ. 1993. № 6.
Коровицына Н.В. Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне об-

щественных перемен. // Славяноведение. 2000. № 3.

Липский Ян. Две родины – два патриотизма. Заметки о национальной мегаломании и ксенофобии поляков. / ИЛ. 1993. № 2.

Новопашин Ю.С. Об антисоветизме и русофобии в послевоенной восточной Европе: к постановке проблемы. // Славяноведение. 1998. № 1.

Саксон Грамматик. Деяние данов. М., 1971

Софронова Л.А. Ещё раз о проблемах истории культуры. // Сов. славяноведение. 1990. № 2.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местонахождении Германии. // Соч. в 2 томах. М., 1970. Т. 1.

Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.

Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народ). // Славяноведение. 1995. № 6.

Ягич И.В. История славянской филологии. Санкт-Петербург. 1910

© Ключко Н.И., 2006

Макарова В. В.

Каунас, Литва

НАША ПАРТИЯ ЛУЧШЕ: СПОСОБЫ УБЕЖДЕНИЯ В СИТУАЦИИ ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ

Abstract

The paper deals with the tools of persuasion in the election campaign in Russia in 2003. The author analyses a corpus of texts produced within political discourses of three Russian parties (the United Russia, the Communist Party of Russia, the Liberal Democratic Party of Russia) and focuses on the link of the common thesis «our party is better» to rational arguments aimed at the evidence of the declared thesis.

Интерес представителей различных гуманитарных наук к механизмам манипулирования сознанием неиссякаем настолько, насколько неиссякаемо человеческое стремление манипулировать своим ближним. В последние полвека с целью обнажения приемов воздействия на сознание в рекламных и политических текстах появилось множество лингвистических работ, внимание в которых было сосредоточено на выборе номинаций и грамматических форм, скрытых и подразумеваемых предпосылок, смене ярлыков и искажении причинно-следственных отношений, принципах порождения идеологизированных текстов.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на способах воздействия на адресата с целью его убеждения в текстах российских партий в период обострения политической конкуренции – выборов в Государственную Думу в конце 2003 г.. Предвыборная ситуация представляет особый интерес для исследования не только потому, что в момент политической борьбы эксплицируются ценности как партий, так и общества в целом, и одно описание этих фрагментов действительности уже является важной задачей, но еще и потому, что ситуация выборов повторяется каждые несколько лет, поэтому результатом подоб-